

Трибуна молодого журналиста

№4(50)

май

2004



Приложение к газете Московской консерватории «Российский музыкант»



Этот номер, который Вы, читатель, держите в руках — юбилейный. Наша, казалось бы, такая юная «Трибуна» выходит уже в пятидесятый раз! Как один миг пролетели почти шесть лет с ее первого, робкого выхода в свет, с того «пилотного» выпуска. Тогда впервые и «Мы разыгрались» — именно так называлась одна из публикаций на первой полосе, посвященная работе над постановкой «Истории солдата» Стравинского студенческими силами в Рахманиновском зале.

Но это не просто шесть лет. За ними стоят шесть групп музыковедов, молодых журналистов, оставивших свой интеллектуальный след в летописи Московской консерватории, свои впечатления от окружающей их звучащей современности, свои оценки событий текущей музыкальной жизни, свои размышления о настоящем, прошлом и будущем музыки. Это целая «гвардия» профессионалов, численностью под сто человек! А с ними еще и «пишущие» композиторы. «Трибуна молодого журналиста» — их общая трибуна.

Но один выпуск стоит особо. И не только потому, что он под «роковым» номером — 13. Его, посвящая Новому 2000 году, делали «бывшие студенты» — Ю.Н.Холопов, М.А.Сапонов, В.Г.Тарнопольский, Н.Г.Гутман и Ваша покорная слуга. В том веселом новогоднем номере мы все отдохнули душой! Его нет в нашем архиве в Интернете, мы начали размещать там газеты позднее. Но в нашей библиотеке, надеюсь, есть. Когда Вам станет грустно — загляните!

«Трибуна» как любая газета не существует без своих авторов. Но ее не было бы и без тех, кто каждый раз создавал ее облик — эти две полосы нашего «боевого листка» по пять колонок на каждой. Д.О.Чехович, который бесценно верстал все номера, С.Н.Лебедев, спасавший номер, когда задачи становились вдруг неразрешимыми, и мы с С.В.Наборщиковой, готовившие тексты каждого номера.

«Трибуна» — мое любимое дитя. И не только потому, что с ее первых шагов мы вместе, что сама придумала название (естественно, согласовав с руководством!), сама за компьютером дома «сочинила» графический облик заголовка и календаря, к которым уже во втором номере присоединился Петр Ильич — символ Московской консерватории. Самое главное, что студенческая газета дала возможность ребятам видеть плоды своих первых журналистских трудов. Только с ними может прийти интерес к этой деятельности, вкус и профессиональный азарт. С пятидесятым выпуском «Трибуны», дорогие авторы и читатели!

Профессор Т.А.Курешева,
художественный руководитель
«Трибуны»

25 апреля 2003 года. С самого раннего утра по консерватории с молниеносной быстротой распространялась не поддающаяся осознанию весть. Это была пятница (Страстная Пятница!), «день гармонии» для студентов историко-теоретического факультета. И все пришедшие узнавали о том, что лекция не состоится, потому что Юрия Николаевича больше нет. Никто из тех, кто имел к нему хоть какое-нибудь отношение, не мог и не хотел верить в реальность происшедшего. Большинство теоретических занятий отменилось. При встрече в коридоре никто не спрашивал: «Вы знаете?» Все знали. И каждый читал в глазах собеседника: «Не может быть». Уже днем появилось объявление: «Московская консерватория понесла невосполнимую утрату...». Даже в такой момент подсознательно вывлялось отличие этой фразы от обычного начала траурных объявлений: на ней была печать избранности. Уход Юрия Николаевича Холопова осиротил не только историко-теоретический факультет и кафедру теории музыки, не только всю Московскую консерваторию, но и всю мировую музыкальную науку. Все яснее проступая, эта мысль пугала, также как и размышления о том, что же теперь будет. И, наверное, далеко не все понимали, что совершился очередной поворот Истории.

28 апреля 2003 года. Сначала

ПОВОРОТ ИСТОРИИ

гражданская панихида в Малом зале консерватории. Затем отпевание в Церкви Воскресения Словущего на Успенском Вражке. Наконец, похороны на Троекуровском кладбище. Все это при большом стечении народа. Погода в этот день никак не хотела соответствовать началу



Светлой Седмицы. Лил бесконечный дождь и дул сильный ветер. Природа скорбела вместе со всеми и успокоилась только под вечер.

Жизнь пошла своим чередом. И прошел год...

Гордость любого учебного заведения — педагоги, которым студенты, поначалу негласно, а затем громко, присваивают звание «мирового учителя». Несомненно, Юрий Николаевич был из их числа. Еще при

жизни он стал живой легендой, притчей во языцех. Гениально одаренный ученый; Учитель, создавший научную школу; обаятельный властитель умов. Во всех этих ипостасях он развивал традиции предшествующих «мировых учителей» консерватории, Игоря Владимировича Способина (чей дипломный класс он окончил) и Виктора Абрамовича Цуккермана. С последним, кстати, Юрия Николаевича роднило еще и поразительное внешнее сходство. Причем настолько сильное, что многие юные музыковеды, не знающие Цуккермана в лицо, глядя сейчас на его фотографические изображения, принимают его за Холопова.

Благодаря совместным усилиям учеников Юрия Николаевича, в консерватории по сей день ощущимо его незримое присутствие. Его ученики достойно ведут курсы гармонии и музыкально-теоретических систем — главные педагогические детища Учителя. Его ученики выпускают книги — переиздание Теоретического курса гармонии и долгожданное издание Практического курса гармонии, а также посвященный Учителю сборник статей по материалам юбилейной конференции. Его ученики защищают диссертации — и еще долго на подобных заседаниях будут звучать слова благодарности Учителю, не присут-

ствующему на защите. Вся деятельность этих людей поддерживает чувство, казалось бы, утраченной с уходом Юрия Николаевича профессиональной музыковедческой уверенности, олицетворением которой был он сам. Также силами его учеников, многие из которых совмещают научную и исполнительскую деятельность, 29 апреля этого года состоялся концерт, посвященный памяти Учителя.

Когда труды ученого становятся для других объектом исследования, это говорит не только о высокой степени их значимости, но и о признании авторитета этого ученого. Юрий Николаевич — один из немногих музыковедов, удостоившихся такой чести: о его теориях и концепциях уже написано немало. Но это касается только опубликованных трудов. Между тем количество неопубликованных, но законченных и готовых к изданию материалов в его архиве исчисляется сотнями названий и тысячами страниц. Над этим предстоит потрудиться многим и многим исследователям, текстологам, редакторам и, дай Бог, издателям. Впереди также составление и описание полной творческой биографии Юрия Николаевича. И еще не одним поколением музыкантов будет постигаться эта уникальная в своей многогранности личность.

Андрей Рябуха,
студент III курса

З А Н О В О О Т К Р Ы Т Ы Й Ш Е Д Е В Р

В этом сезоне дирекция Пасхального фестиваля в Москве сделала настоящий подарок всем любителям музыки. 23 апреля в Большом Зале консерватории прозвучали «Страсти по Матфею» Иоганна Себастьяна Баха в исполнении Оркестра и хора Collegium Vocale Gent (Бельгия). Приезд бельгийского дирижера, Филиппа Херревеге (Hergeweghe) в Россию был заранее обречен на успех, но то, что творилось в зале после концерта, превзошло все ожидания. Для русской публики любое исполнение старинной музыки на аутентичных инструментах все еще воспринимается как что-то диковинное. Однако то, что представил Херревеге, не было просто очередным аутентичным исполнением. Более трех часов огромный и до предела заполненный Большой зал Консерватории сидел в полной тишине (ни разу не зазвонил сотовый телефон!!!) и в величайшем напряжении. При этом, надо сказать, что публика присутствовала самая разная: и подготовленная к такой музыке и «новые слушатели», пришедшие показать себя.

Как получилось, что интеллектуальная музыка Баха смогла так взволновать весь зрительный

зал? Тому есть несколько причин.

Конечно, уровень дирижера был необычайно высок. Удивительно было наблюдать, как оркестр и хор подчинялся малейшему движению его рук и тела. Да, именно тела, потому что временами казалось, будто Херревеге вот-вот оторвется от земли в своем таинственном танце. В другие моменты наоборот складывалось впечатление, что дирижер вообще не нужен, и он действительно как будто уходил в себя и весь погружался в созерцание. Это происходило, главным образом, в речитативах Евангелиста и Иисуса. И здесь необходимо отдать должное солистам, исполнявшим партии Иисуса (Михаэль Фолле) и Евангелиста (Марк Пэдмор). Им удалось необычайно глубоко и вместе с тем очень экспрессивно передать события последних дней жизни Христа. При этом крайне силен был момент театризации «Пассионов», хотя специальных приемов театральной игры певцы не применяли. Наибольшая заслуга в этом принадлежит изумительному тенору, Марку Пэдмору, который предстал перед нами не просто как рассказчик. Именно

Евангелист задавал тон всему исполнению, благодаря ему в зале был создан эффект присутствия, от которого мурашки пробегали по спине. И, казалось бы, мертвые и застывшие речитативы превратились в маленькие жемчужины, ставшие сутью ли не главным украшением баховского шедевра. Каждое слово из речитативов было преподнесено как дорогой дар, для каждого была найдена своя неповторимая интонация, всегда оправданная логикой и тонким чутьем музыканта.

Порадовали своим мастерством и музыканты оркестра. Их игра была настолько точна, проникновенна и в тоже время побарочному свободна, что даже очень подвижные темпы, преобладавшие в этой интерпретации, звучали невероятно естественно. А достаточно распространенное мнение о том, что игра на барочных инструментах изначально обречена на фальшь, в данном случае потерпело полное фиаско.

При этом дирижеру удалось так разместить два оркестра и два хора, что создался потрясающий пространственный эффект. И при относительной камерности состава не покидало ощущение грандиозности и од-

новременно легкости звучания.

Удачным дополнением к концерту стал перевод полного текста «Страстей», осуществленный М.А.Сапоновым и опубликованный в программке концерта. Текст этот, достойный отдельного внимания и изучения, оказал действительную помощь публике, мало знакомой с этой музыкой.

Пожалуй единственным недостатком всего мероприятия оказались непомерно дорогие билеты, которые не позволили многим настоящим ценителям музыки Баха насладиться этим исполнением. Да еще и выставили целые кордоны охраны против несчастных студентов, пытавшихся проникнуть в Большой зал даже через крышу Консерватории. Но наш студент везде пролезет, что подтверждает предлагаемая рецензия!..

Надо надеяться, что подобные концерты будут проходить как можно чаще, тем более, как показала практика, наша публика готова слушать серьезную музыку, хочет ее понимать. А что может больше способствовать ее пониманию, как не прекрасное исполнение?

Олеся Кравченко,
студентка III курса

Директор Научной музыкальной библиотеки им. С.И.Танеева Московской консерватории Эмма Борисовна Рассина в ответ на публикации в газете «Трибуна молодого журналиста» выразила желание публично побеседовать с читателями и раскрыть основные механизмы функционирования столь сложного организма, каким является наша библиотека.

— Эмма Борисовна! Библиотека для теоретиков является важнейшей частью учебного процесса. Это и заставило нас взяться за перо и выступить в прошлом номере «Трибуны». Но после этого вопроса оказалось ещё больше, и мы поняли, что всему студенчеству Московской консерватории необходимо понимание, какими должны быть наши отношения с библиотекой.

— Библиотека — это всегда организм или система с обратными связями. На самом деле, мнение читателей бывает чрезвычайно важным. Мы пытаемся анкетировать читателей: что устраивает, что нет. Но они зачастую уклоняются от ответа. Узнать истину о своей работе не всегда представляется простым. Хотя, в общем-то, мы много общаемся и знаем, что думают наши студенты и педагоги. Другое дело, было бы очень важно узнать о каких-то конкретных вещах.

— Наверное, главная проблема заключается в том, что библиотека не всегда может удовлетворить учебные потребности студентов?

Причина кроется не в самой библиотеке. И в этой связи я уже выступала на Учёном совете консерватории в прошлом году. Проблема представляется гораздо более серьёзной, чем кажется на первый взгляд, — и студенты, на самом деле, являются такими же жертвами, как и библиотека. Многие проблемы связаны с небеспеченностью студентов учебниками, хрестоматиями, отвечающими современным требованиям. Если бы каждый педагог предоставлял библиотеке свои учебно-методические материалы: конспекты лекций, учебные пособия и т.п., мы бы могли размножить их, издать. Основному количеству студентов не пришлось бы искать необходимый учебный материал в десятках изданий, многие из которых библиотека, по нормам Министерства образования РФ, не имеет права приобретать в большом количестве (да это и не целесообразно). Увеличилась бы скорость обслуживания, так как вместо 10 изданий нужно было бы подбирать 1-2; во много раз уменьшился бы износ изданий, благодаря чему они служили бы читателю гораздо дольше. Пока лишь Т.Н.Дубравская, М.И.Катунян, Т.С.Кюрегян, Е.В.Назайкинский, Г.В.Крауклис, Е.Б.Долгинская и Е.М.Царёва представляют свои материалы в библиотеку. И это замечательно.

Студент должен иметь все материалы по изучаемым им дисциплинам. Так, у нас были большие проблемы с обеспечением курса концертмейстерского искусства. Но кафедра концертмейстерского искусства вняла нашим просьбам. И сейчас зав. кафедрой проф. В.Н.Чачава вместе со своими коллегами готовят к изданию уже третий выпуск учебного пособия по курсу концертмейстерского искусства. В итоге — проблема закрыта. Подобного рода издания нужны всем. И тогда огромное количество ребят, замечу

не теоретиков, смогли бы полностью удовлетвориться элементарным набором материалов, и проблемы ночного абонемена вообще бы не возникло.

— А почему его всё-таки закрыли?

— Ночной абонемент не может существовать в читальном зале по определению. Но дело не только в этом. Было много нарушений, связанных с использованием ночным абонементом. Стали быстро и сильно изнашиваться фонды. А ведь многие книги, ноты находятся в читальном зале в единственном экземпляре. Фонд Московской консерватории очень изношен, находится в страшном состоянии. Удивительно, что благодаря поистине самоотверженной, преданной работе многих поколений библиотекарей, нам удалось сохранить фонд и поэтому сегодня он нам всё ещё служит. Но зачем же его дорывать до конца? По ночам, в транспорте? Зачем?! Библиотека достаточно долго открыта для читателя. Можно ею пользоваться. А в сессию мы открыты и в воскресенье. Какие проблемы?! Пожалуйста, читайте дома то, что у Вас есть, а в читальном зале то, чего у Вас нет. Всегда же ведь можно найти возможность разумного отношения и подхода к организации собственной работы. Поэтому мы решили закрыть ночной абонемент в читальном зале, параллельно с этим разрешив выдачу изданий на ночь в абонементе. С 18.00 до 10.00 во время сессии на абонементе можно взять учебные пособия. У нас ведь есть 3 вида абонементов: домашний, классный, а также мы выдаём оркестровые материалы. Под видом ночного абонемена мы столкнулись с другими факторами.

— Какими?

— Во-первых, мы работаем аж шесть дней в неделю — случай достаточно редкий вообще для музыкальных библиотек. Во-вторых, мы открыты (в том числе и классный абонемент) с 9 утра до 7 вечера. Для вас также открыт и читальный зал, где можно взять литературу и в 10 утра, и в 11 — вас никто не выгонит. В сессию мы не можем выдворить человека из читального зала и после 8 вечера (Наталья Николаевна мне лично рассказывала), библиотека ещё обслуживает и до 9 вечера, хотя, по приказу, должна закрыться в восемь. И это сушая правда! Касательно ночного абонемена скажу так: мы делали то, что вообще не должны были никогда делать. По своей доброте душевной мы шли навстречу. Дело в том, что много лет назад существовала такая форма обслуживания, естественно, абсолютно бесплатная. Благодаря ей, проверенным студентам, берущим и сдающим материалы в установленный срок, бережно и аккуратно обращавшимся с ними, которых отлично знали в библиотеке (а библиотека всегда знает своих постоянных читателей), выдавались учебники. Ноты давались гораздо реже. Но то, что стало происходить в последние годы, ошеломило всех без исключения сотрудников библиотеки. Мы наконец-то осознали совершённую ошибку, и быстро её исправили тем, что перенесли ночной абонемент туда, где он и должен быть — в окошечко на домашнем абонементе, который работает сейчас и будет работать в сессию. Мы бу-

дем выдавать на ночь только учебники, конечно, если они будут на полке — она же не резиновая! Если же читатель хочет вместе с нами помочь нам оптимально решить проблемы обслуживания, мы были бы только рады. Всё должно быть разумно, подчиняться правилам не только обслуживания, но и сохранности фондов.

— Но ведь бывают случаи, когда не выдают книги, которые, по идее, должны выдавать...

— Если не выдают то издание, которое должны выдавать — это безобразие. А когда выдают то, что не должны выдавать — это дважды безобразие. И вот меня волнует больше всего вторая проблема, так как первая вполне разрешима: ведь всегда над библиотекарем есть руководитель, который уладит ситуацию. Вторую же проблему подчас невозможно исправить. Кроме того, многие издания, имеющиеся в небольшом или недостаточно большом количестве, не выдают студентам, потому что библиотека должна всегда быть готовой обеспечить заявку педагога достаточным количеством экземпляров для проведения аудиторных или классных занятий.

— Почему клавиры, партитуры и, вообще, толстые издания часто не выдаются на дом?

— Это связано непосредственно с необходимостью сохранности фонда. У нас ужесточились меры по сохранности. Вы не задумывались, сколько стоит сегодня клавиры? Их почти не издают. Купить, естественно, их невозможно. Из этого следует, что мы вынуждены жить старыми запасами, изодранными нашими любимыми читателями — и вокалистами, и теоретиками — всех ловили за

этого года, так как в сессию это делать не имеет смысла. У нас стабильно работают два окна выдачи изданий на дом, и третье — выдача на класс. В каждом окне обслуживают посетителей один или два библиотекаря. Больше — невозможно, могут быть травмы, а технику безопасности надо непременно соблюдать.

Обслуживание музыкантов, читателей — очень сложный процесс. Часто студенты, приходя в библиотеку, не знают, за чем пришли. Никто из них, за редким исключением, не хочет проверить по каталогу точное название произведения, её автора и шифр. Очень часто человек просто не знает, какое произведение хочет взять. Например, начинает говорить: в розовой, в коричневой обложке или там 2 четверти затакта и дальше трум-тум-тум-тум. Также часто исполнители не знают, какая им нужна редакция. Поэтому, чтоб обслужить одного такого нерадивого студента, приходится принести экземпляры по 2-3 раза. Это очень долго и тяжело. Во многих зарубежных библиотеках музыкальных учебных заведений принят открытый доступ к фондам учебных изданий, но выдача на дом распространена в гораздо меньшей степени. Также, в отличие от нашей библиотеки, за рубежом нет системы выдачи нот и книг в класс. У нас же за многие годы скопилось сравнительно большое количество экземпляров, благодаря чему мы и можем позволить себе роскошь — выдачу материала на дом.

А вообще, труд библиотекарей очень тяжкий. У нас люди уходят подчас из-за того, что физически устают. Казалось бы, человек берёт 3 экземпляра, а приходится пересмотреть огромное количество, чтобы найти искомое. Учтите, что это старое помещение, и нигде развернуться — высокие стеллажи, лестницы, тяжёлые папки с нотами, литературой. Представьте себе ситуацию: стоишь на лестнице, одной рукой держишься за неё, другой — тянешь тяжёлую папку. Я вовсе не призываю вас быть библиотекарями. Но имейте в виду, работают у нас, в основном, женщины...

— Нас волнует отсутствие системы заявок, которая, как нам кажется, могла бы сильно облегчить наши контакты с библиотекой. Возможно ли её введение?

— У нас существует система заявок для педагогов. Мы просто счастливы, когда нам звонят педагоги и точно говорят, что найти заранее. Но для студентов мы такую услугу сделать не можем, так как они зачастую сами не знают, что хотят взять, в то время как заявка предполагает точные сведения.

— Но ведь информация многих карточек каталога не соответствует действительности?

— Наша библиотека существует 140 лет и накопила полутора-миллионный фонд! Много за это время изменилось. Поэтому далеко не всегда информация карточек соответствует действительности. Правда, мы постепенно проверяем фонд — главным образом наиболее дорогостоящие издания, отдел редкостей. Но охватить всё сразу совершенно невозможно. К тому же не хватает людей — в библиотеке работает в 2

раза меньше людей, чем это необходимо. Это наша огромная беда. Для того чтобы проверить весь фонд нужно закрыть библиотеку и в течение нескольких лет проводить инвентаризацию.

— Мы уже живём в XXI веке. Неужели нельзя использовать новые технические возможности?

— Что касается новшеств, то мы делаем электронный каталог — вещь, несомненно, очень важная, нужная и полезная. Все издания после 1995 года, которые приходили к нам, уже корректно зафиксированы в нём — и это радует!

Но ведь мир музыкальных имён постоянно расширяется. Иметь любые материалы по всем личностям и явлениям в музыке мы не можем, это, как мне кажется, не имеет смысла. В мире уже создано достаточное количество электронных коллекций, электронных библиотек. И мы стараемся не отставать в этом плане от своих коллег. У нас есть локальная автоматизированная информационная база. В 330-ой комнате вы можете ознакомиться со всей нашей справочной картотекой, ознакомиться с интересующими вас материалами. Более того, наша библиотека хотела бы иметь технологическую возможность пользоваться удалённым доступом к электронным библиотечкам других стран.

Кроме того, у нас была идея (до пожара) отсканировать отдельные нотные материалы к курсу истории музыки, которые должны использоваться в учебном процессе — например, все партитуры и клавиры Вагнера. Мы мечтали сделать замечательный, компьютеризованный класс №9. Увы!!! К сожалению, ни то, ни другое пока сделать не удалось.

— Не хочется завершать разговор на грустной ноте. Но что нас ждет в ближайшем будущем?

— Мы ищем любой путь для улучшения обслуживания наших читателей. В довершение ко всему мы собираемся завести нечто вроде книги жалоб и предложений. Ящик, где вы сможете оставить все ваши пожелания, предложения и вопросы по поводу работы библиотеки. Но не будем забывать, что мы, будучи всё-таки великой консерваторией с одной из лучших в мире библиотек, подчиняемся тому, что принято делать по закону, а не по понятию. Мы гордимся тем, что наша библиотека 140 лет обслуживала музыкальную Россию (нотный отдел «Ленинки» открылся только спустя 100 лет после открытия нашей библиотеки). Тогда же не было ксерокса, он появился только во второй половине XX столетия. Так будем помнить, что в русской музыке нет ни одного имени, кто бы не воспользовался Научно-музыкальной библиотекой им. С. И. Танеева. Наша библиотека является крупнейшей музыкальной библиотекой России, информационным центром по вопросам музыки. Задачи, которые она выполняет, значительно шире задач вузовской библиотеки. Богатство и уникальность фондов, принадлежность к Московской консерватории ко многому нас обязывает.

— Спасибо за беседу.

С Э.Б.Рассиной беседовали студенты III курса Илья Никольцев и Константин Смесов

«...будучи великой консерваторией с одной из лучших в мире библиотек, мы подчиняемся тому, что принято делать по закону, а не по понятию...»

руку. Вы не представляете, что творит библиотека для того, чтобы привезти как можно больше нот для вас, любимых. Скажу простую вещь: много десятилетий консерватория не выделяла денег (их просто не было) на приобретение нот из-за рубежа. А ведь к нам приходит самый большой поток материалов по сравнению с другими библиотеками страны! Мы за эти годы своими усилиями, стараниями, невероятными стратегическими ходами принесли абсолютно бесплатно библиотеке консерватории зарубежные издания на сотни тысяч долларов. Подавляющая часть иностранных нотных изданий — дары библиотеке, которые не просто падают с небес, их делают благодаря библиотечному коллективу Московской консерватории. Кроме того, только в последние годы мы наконец-то получили возможность, не нарушая законов копирайта, снимать копии в учебных целях, для учебного процесса.

— Студентов не всегда удовлетворяет система обслуживания в библиотеке консерватории. Можно ли с этим что-то сделать?

— Мы попробуем изменить режим выдачи литературы на дом, продлив её на час. Объясняется это малым количеством читателей с утра. Правда, если мы будем открыты до 24 часов, студенты будут стоять и до 24-х. Новые правила начнут действовать с сентяб-